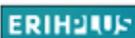

Швецова Т. В. Хронотоп русскоязычных произведений о Робинзоне / Т. В. Швецова, В. Е. Шахова // Научный диалог. — 2021. — № 5. — С. 287—302. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-287-302.

Shvetsova, T. V., Shakhova, V. E. (2021). Chronotope of Russian Works about Robinson. *Nauchnyi dialog*, 5: 287-302. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-287-302. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-287-302

Хронотоп русскоязычных произведений о Робинзоне

Швецова Татьяна Васильевна

<https://orcid.org/0000-0001-9637-6958>
кандидат филологических наук, доцент
гуманитарный институт
t.shvetsova@narfu.ru

Шахова Вероника Евгеньевна

<https://orcid.org/0000-0002-4766-3165>
бакалавр
гуманитарный институт
shahova2@gmail.com

Филиал Северного (Арктического)
федерального университета имени
М. В. Ломоносова
(Северодвинск, Россия)

Chronotope of Russian Works about Robinson

Tatiana V. Shvetsova

<https://orcid.org/0000-0001-9637-6958>
PhD in Philology, Associate Professor
Humanitarian Institute
t.shvetsova@narfu.ru

Veronika E. Shakhova

<https://orcid.org/0000-0002-4766-3165>
Bachelor student
Humanitarian Institute
shahova2@gmail.com

Branch of the M. V. Lomonosov
Northern (Arctic) Federal University
(Severodvinsk, Russia)

© Швецова Т. В., Шахова В. Е., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты исследования хронотопа в русскоязычных сочинениях, созданных на основе романа о приключениях Робинзона. Материалом работы послужили роман А. Е. Разина «Настоящий Робинзон» (1860) и рассказ Л. Н. Толстого «Робинзон» (1862). Рассматриваются вопросы специфики представления хронопического в произведениях русских писателей. Актуальность исследования обусловлена обращением к универсалии хронотопа, которая содержит в себе исчерпывающий инструментарий для художественного воплощения образов пространства и времени; а также поиском новых методов литературоведческого анализа текста. Показано, что в анализируемых текстах реализуется своеобразное слияние русскоязычных сочинений с инокультурным текстом в аспекте хронотопа. Представлены сходства и различия в переосмыслении истории о Робинзоне на примере модели текстуальных связей, указывается на национальную специфику репрезентации образа Робинзона. Отмечается, что внешний и внутренний хронотопы ретранслируются от произведения к произведению и создают основу для возникновения авторских интенций. Доказывается, что хронопический анализ позволяет сформировать представление об особенностях русскоязычной интерпретации истории о Робинзоне.

Ключевые слова:

хронотоп; художественные пространство и время; рецепция; хронопический анализ; Робинзон; Лев Николаевич Толстой; Алексей Егорович Разин.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of the study of the chronotope in Russian-language compositions based on the novel about Robinson's adventures are presented. The material for the work was A. E. Razin's novel "The Real Robinson" (1860) and Lev Tolstoy's story "Robinson" (1862). The issues of the specifics of the representation of the chronotopic in the works of Russian writers are considered. The relevance of the study is due to the appeal to the universal of the chronotope, which contains an exhaustive toolkit for the artistic embodiment of images of space and time; as well as the search for new methods of literary analysis of the text. It is shown that in the analyzed texts, a kind of fusion of Russian-language compositions with a foreign-cultural text in the aspect of a chronotope is realized. The similarities and differences in the rethinking of the story of Robinson are shown on the example of the model of textual connexity, the national specifics of the representation of the image of Robinson are indicated. It is noted that the external and internal chronotopes are retransmitted from work to work and create the basis for the emergence of the author's intentions. It is proved that chronotopic analysis allows one to form an idea of the peculiarities of the Russian-language interpretation of the story of Robinson.

Key words:

chronotope; artistic space and time; reception; chronotopic analysis; Robinson; Lev Nikolaevich Tolstoy; Alexey Egorovich Razin.

Хронотоп русскоязычных произведений о Робинзоне

© Швецова Т. В., Шахова В. Е., 2021

1. Введение

Цель нашей статьи — на материале хронотопического анализа двух произведений, ориентированных на общий претекст, показать своеобразие моделирования хронотопа русскими авторами.

Мы рассмотрим русскоязычные сочинения А. Е. Разина и Л. Н. Толстого, созданные по мотивам приключений Александра Селькирка, послужившего прототипом образа Робинзона. История Александра Селькирка представляет собой повествование о реально произошедшем событии, выражение мировоззренческих и идеологических установок мастеров слова, пересказавших данный сюжет.

Реальный прототип Робинзона Крузо побывал и пиратом, и рабом, и богачом, и нищим. Известие о его возвращении с необитаемого острова постепенно распространилось, и имя стало узнаваемым. Капитан Вудс Роджерс записал его историю в своих путевых заметках, позже Ричард Стил прославил Селькирка в своем журнальном очерке [Стил, 2010, с. 377—381]. Любопытен факт, что существовало немало версий приключений моряка Селькирка, но популярной и известной эта история стала после того, как Дефо написал роман о Робинзоне Крузо.

Русский создатель «Настоящего Робинзона» А. Е. Разин в своей книге подчеркивает: «... знаменитый авторъ Робинзона Крузоэ ... взявъ основою своего разсказа истинное происшествие — похождение молодого шотландца ..., но растворил ихъ въ безчисленныхъ подробностяхъ, являющихся нерѣдко плодомъ творческой фантазіи ... въ предлагаемой же книгѣ дается подлинная исторія Селькирка» [Разин 1913, с. 11], поэтому, наверное, мы имеем дело не столько с художественным вымыслом, сколько с историческим событием.

«Различные трактовки исторических событий, пусть и противоречивые с точки зрения идеологии, в совокупности дополняют друг друга, представляя собой модификацию одной и той же идеи, рожденной мифологией хронотопа», — пишут В. Н. Матонин и Н. Н. Бедина [Матонин и др., 2017, с. 135]. По отношению к случившемуся с Селькирком — это идея островного, уединенного пребывания, а следовательно, идея инобытийности.

Тот факт, что значимые события исследуемых произведений разворачиваются в одном и том же островном локусе, обусловил выбор категории хронотопа для анализа.

Пространственные и временные категории в литературном произведении соединяются в конкретное целое и выражаются в художественном хронотопе, определение которого описано в очерках М. М. Бахтина так: «Время сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [Бахтин, 1975, с. 235].

В методологическом отношении наша работа опирается на труды и других известных отечественных и зарубежных ученых в области изучения категорий пространства и времени в культуре и искусстве [Бахманн-Медик, 2017; Лихачев, 1987; Топоров, 1983; Тюпа, 2011; Фуко, 1977].

К анализу хронотопа в художественных текстах обращаются и многие современные филологи [Аmineва, 2020; Брюханова и др., 2020; Дергачева, 2019; Сатанар, 2020]. Актуальность представленной работы подтверждается также серьезным вниманием к изучению хронотопа зарубежными специалистами [Jereza et al., 2020; Taylor-Leech, 2020].

В своей работе, опираясь на достижения литературоведов в аспекте толкования хронотопа, в частности, учитывая работу М. М. Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе», под художественным хронотопом мы понимаем такую формально-содержательную категорию литературы, которая является неотъемлемой частью в устройстве индивидуально-авторской картины мира и отражает устойчивую связь между пространством и временем с их вещественным наполнением.

2. Хронотопический анализ художественного текста как метод исследования

Исследование подразумевает решение вопроса об определении методики, которая стала бы успешной для анализа единства образов пространства и времени. Считаем наиболее эффективным метод хронотопического анализа художественного текста (далее — ХА). Некоторые положения ХА были рассмотрены в научной работе В. В. Савельевой [Савельева, 2002]. Алгоритм применения метода ХА и моделирования хронотопа можно сформулировать в виде следующих пяти этапов. Предварительный этап — чтение и первичное восприятие: выполнение разметки художественного текста; выделение различных частей речи с пространственно-временным значением (существительные, глаголы, числительные, наречия, прилагательные). Этап сбора информации — анализ: работа с семантикой различных лексических групп. Этап осмысления — интерпретация: определение видов образов времени и пространства (вкусовые, визуальные, тактильные, звуковые, обонятельные,

кинестетические, когнитивные и т. д.); выявление основных приемов передачи пространственно-временных образов. Этап построения модели хронотопа в виде схемы, таблицы, рисунка. Этап обобщения наблюдений — заключение: конкретизация художественного смысла.

Хронотопический анализ позволяет систематизировать и привести к общему интерпретативному знаменателю выявленные пространственно-временные координаты текста. Модель художественного хронотопа (в виде схемы, таблицы, рисунка) наглядно демонстрирует специфику индивидуально-авторских представлений о реальном, концептуальном и перцептуальном времени и пространстве.

3. Из истории создания двух русскоязычных сочинений о Робинзоне

Известно, что первый перевод романа Д. Дефо «Приключения Робинзона Крузо» на русский язык был сделан в 1762 году Я. Трусовым [Алексеев, 1963, с. 86]. С того времени количество его переводов, адаптаций и переложений в России увеличивалось. Наше внимание привлекли два художественных текста, один из которых является сокращенной переработкой сочинения немца И. Г. Кампе «Новый Робинзон», другой отражает подлинную историю островитянина Селькирка. Это рассказ «Робинзон» под редакцией Л. Н. Толстого, изданный впервые в 1862 году в журнале «Ясная поляна». Второе произведение — это сочинение-заимствование А. Е. Разина «Настоящий Робинзон: Приключения Александра Селькирка на необитаемом острове», впервые опубликованное в 1860 году.

На обложке книги А. Е. Разина указано — заимствовано с французского языка. Таким образом, перед нами встает задача — определить, какой источник использовал автор для создания своего сочинения. В предисловии к рассказу Разин пишет, что в данной книге «рассказываются все приключения такъ, какъ они были на самомъ дѣлѣ, такъ, какъ они были изложены самимъ героемъ разсказа въ рукописи ...» [Разин, 1913, с. 11]. Напрашивается вывод, что за основу писатель взял перевод на французский язык дневника Селькирка или, возможно, какое-либо его переложение или адаптацию. По предварительным данным возможным источником для А. Е. Разина могла послужить малоизвестная книга французского сочинителя, которая являлась в свое время переводом романа Д. Дефо о Робинзоне Крузо во Франции с существенным дополнением, указывающим, что это история «настоящего» Робинзона — Александра Селькирка. Книга Aimé-Ambroise-Joseph Feutry (1720—1789) под названием «Le Robinson de la jeunesse, traduction nouvelle, revue et corrigée des Voyages et aventures de Robinson Crusôé [de D. Defoe] par M. Feutry, augmentée de l'Histoire d'Alexandre Selkirk dans l'isle de Jean Fernandez» впервые опубликована

в 1809 году в Бельгии. Для создания книги о приключениях Робинзона французский поэт и переводчик использовал не только основной источник — роман Д. Дефо, — но и опубликованные сочинения и очерки Вудса Роджерса, Эдварда Кука и Ричарда Стила, в которых была раскрыта подлинная история выживания моряка на острове. Таким образом, Алексей Разин ориентировался как минимум на три источника: историю Александра Селькирка (на английском языке), роман Д. Дефо и книгу Э.-А.-Д. Фетри (на французском языке).

Замысел А. Е. Разина о создании подлинной истории выживания Александра Селькирка приводит писателя к необходимости качественных изменений в содержании истории о Робинзоне Крузо: исчезает Пятница, друга-дикаря заменила обезьяна Маримонда, сбжавшая с корабля вслед за Селькирком; меняется градус смысловой доминанты — его «настоящий» герой оказывается неспособным встретиться лицом к лицу с трудностями и преодолеть их силой воли, как это сделал романнный Робинзон Крузо.

А. Е. Разин в начале своего сочинения описывает причины, по которым Селькирк оказался в уединении на необитаемом острове, и эти причины не совпадают с представленными в романе Дефо. Александр Селькирк не нашел общего языка с капитаном корабля, он не мог мириться с жестокостью и грубостью главного на судне, поэтому его высадили обманом на остров. Причиной, приведшей к решению покинуть отчий дом, у Селькирка стала его бедность, а не мечты о путешествиях, как у Робинзона.

Книги о Робинзоне не оставили равнодушным классика русской литературы Л. Н. Толстого. Проследим путь создания пересказа истории о Робинзоне под редакцией Л. Н. Толстого в журнале «Ясная Поляна». Стоит учесть, что сам текст рассказа готовил один из учителей Головеньковской школы — Александр Павлович Сердобольский — по заказу писателя. Лев Николаевич редактировал его пересказ по своему усмотрению под влиянием идей Руссо и руссоистской интерпретации романа Д. Дефо. «Толстой с юношеского возраста, так же, как и его мать, был влюблен в Руссо “не меньше, чем в жизнь, добро, истину и правду”», — пишет современная исследовательница [Мартыненко, 2017, 436]. Трудности, возникшие при чтении истории о Робинзоне у ребят в деревенской школе, стали причиной для создания упрощенного и сокращенного рассказа об островном пребывании героя.

В семейной библиотеке Толстых находилось несколько переделок романа о Робинзоне: переложение сочинения пастора Висса «Швейцарский Робинзон», сделанное на французском языке швейцарской писательницей Изабель де Монтолье (издание от 1824 года), «Новый Робинзон» И. Г. Кампе, «Новый швейцарский Робинзон» Ж. Маса и П.-Ж. Этцеля в переводе на русский язык. Сопоставление текста рассказа «Робинзон» из яснополянского

журнала с перечисленными сочинениями позволило установить, что для создания рассказа о Робинзоне учитель Сердобольский обратился к популярной в то время адаптации английского романа, сделанной немецким писателем и педагогом Иоахимом Генрихом Кампе — «Новый Робинзон» (1779).

В русскоязычный пересказ Л. Н. Толстой вводит элементы сказки об отце и трех сыновьях, адаптирует историю для детского восприятия: «Жиль в Гамбургъ богатый купецъ, у него было три сына. Старшій сынъ пошелъ въ полкъ служить и когда сдѣлалась — война, его Французы убили. Другой сынъ сталъ учиться, сдѣлался боленъ — и тоже умеръ. Остался одинъ сынъ, меньшой, — его звали Робинзонъ» [Толстой, 1874, 5].

В финале сочинения Л. Н. Толстой задает мотивы и вводит детали, которые показывают значительное отличие яснополянского «Робинзона» от английского романа и его немецкого переложения И. Г. Кампе. По возвращении домой Робинзон у Дефо не застаёт своих родителей в живых, его встречают сестры и другие родственники, в переложении И. Г. Кампе Робинзон счастливо живет с родителями и новым другом, а в пересказе Толстого отец встречает сына и умирает на его руках.

Л. Н. Толстой указывает на род деятельности Робинзона: тот становится плотником. Создается аллюзия к образу Иисуса Христа. В сочинении И. Г. Кампе Робинзон и Пятница осваивают столярную специальность.

По пути к дому Робинзон у Толстого совершает ряд поступков, которые не совершал Робинзон у Дефо. Он возвращает золото купцу из Испании, а затем отправляется в Портсмут, где отдает драгоценности вдове офицера, погибшего во время морского путешествия; при этом Робинзон отказывается от вознаграждения, а в кораблекрушении на пути к дому теряет и найденное на острове золото.

И. Г. Кампе в своем варианте старался усилить идею о «естественном человеке». Аналогичную тенденцию наблюдаем и в сочинении Толстого. Л. Н. Толстой сделал Робинзона свободным от неестественных человеческих потребностей, порожденных обществом и цивилизацией. В заключение писатель возвращается к мотиву одиночества: умирает Пятница, Робинзон вновь остается один.

Сближение авторов анализируемых нами сочинений в процессе творческого переосмысления истории о Робинзоне Крузо можно наглядно отразить с помощью модели текстуальных связей — условной «генеалогической» схемы (рис. 1).

Данная схема построена с учетом выявленных источников, послуживших основой для формирования двух русскоязычных сюжетов о Робинзоне. В сочинениях А. Е. Разина и Л. Н. Толстого фабульная линия содержит в себе ситуацию выживания, что объединяет их с общим претекстом. Си-

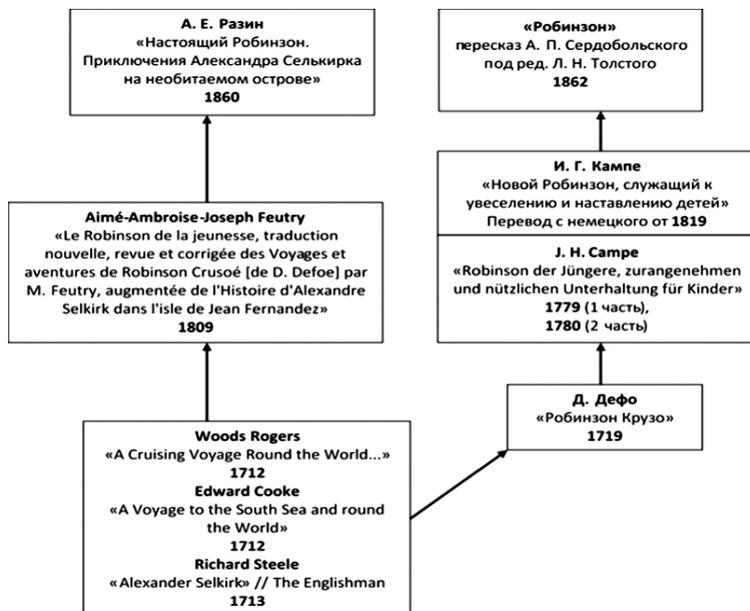

Рис. 1. Модель текстуальных связей произведений, ориентированных на приключения Александра Селькирка

туация выживания есть характерное звено в структуре всех литературных феноменов, тяготеющих к жанру робинзоады; без ситуации выживания и одиночества нет истории Робинзона.

Итак, тесное взаимодействие сочинений о «русских Робинзонах» происходит на уровне художественного хронотопа. Через призму изображения категорий пространства и времени осуществляется когезия текстов.

4. Внешний и внутренний хронотопы русскоязычных сочинений о Робинзоне

В произведениях А. Е. Разина и Л. Н. Толстого эксплицируются два художественных хронотопа — внешний и внутренний. Внешний хронотоп — это островное пространство с календарным течением времени, внутренний хронотоп — это психология героя, его переживания, чувства, мысли и умозаключения, описываемые в повествованиях и соотносящиеся с течением сюжетного времени. В структуре внешнего хронотопа произведений представлены топография, флора и фауна острова, особенности климатических условий, деятельность Робинзона и ее результаты, в струк-

туре внутреннего — самоощущение и мировоззрение героя. Внутренний и внешний хронотопы произведений существуют по принципу взаимовлияния. Мысли и идеи героя влияют на изменения во внешнем хронотопе, а сила природы во внешнем хронотопе воздействует на чувства героя и подталкивает его к деятельности.

Внешний хронотоп репрезентируется в текстах двух русских авторов посредством частей речи с пространственно-временным значением. В сочинении Разина частотны глаголы со значением движения, с их помощью читатель воспринимает процесс деятельности Робинзона, а его перемещения в пространстве задают структуру и характер хронотопа: «... Селькиркъ обошелъ ближнія долины, всходилъ на пригорки ...», «... ясно увидѣлъ груду голыхъ скалъ ...», «... взобрался выше, обнимаетъ взглядомъ большое пространство: множество лѣсовъ, горъ, долинъ, а человѣческаго жилья нѣтъ ...» [Разин, 1913, с. 15]. Глаголы со звуковой семантикой оформляют внешний хронотоп, например: «... только дятлы, не двигаясь, постукивали своими твердыми клювами въ кору старыхъ деревьевъ ...» [Там же, с. 14]. Таким образом, внешний хронотоп романа — это открытое пространство, обозримое и доступное, погруженное в тишину и покой. Обилие наречий в произведении составляет характеристику особого внутреннего хронотопа: герою на острове «несносно», «невозможно», «тяжело», «страшно», «больно», «тоскливо».

В сочинении Л. Н. Толстого чаще встречаются глаголы, обозначающие мыслительный процесс героя, создающие эмоциональный фон его пребывания на острове. В начале островной жизни Робинзона охватывает страх от осознания того, что он оказался в не освоенном человеком месте, ему жутко: «... сѣлъ онъ и думаетъ: “теперь я, все равно съ голоду умру ...”, и онъ началъ опять плакать ...» [Толстой, 1874, с. 15]. Описание испытываемых ощущений и чувств героя задает характер внутреннего хронотопа, который раскрывает восприятие им времени и пространства. Робинзон пугается грозы («... забился въ уголь и сталъ ждать пока гроза утихнетъ ...» [Там же, с. 25]), удивляется силе дождя («... пошелъ сильный дождь; такого Робинзонъ никогда не видѣлъ ...» [Там же, с. 33]), впервые пробует печеный картофель («... Робинзонъ былъ очень радъ, что картофель можно ѣсть вмѣсто хлѣба ...» [Там же, с. 29]). Все его впечатления от вынужденного пребывания на необитаемом острове становятся значимыми для описания внутреннего хронотопа рассказа. Робинзон отождествляется писателем с взрослеющим ребенком, которому многое в жизни еще придется познать.

Рассмотрим подробнее внешний хронотоп в обоих произведениях.

Остров в сочинении А. Е. Разина предстает как самостоятельный одушевленный персонаж, он живет, реагирует на незваного гостя, общается

с ним: «... весь остров отозвался на него (выстрел) болѣзненнымъ стономъ ...», «... земля пила ихъ (дожди) съ любовью ...», «... природа не всегда слушается челоѣвка ...», «... замерла вся природа ...» [Разин, 1913, с. 19—34]. Автор изобразил остров прекрасным и живописным местом, на который не ступала нога человека с момента сотворения мира, это место похоже на рай: «... на сочномъ зеленомъ лугу солнце играло на разнообразныхъ, роскошныхъ цвѣтахъ ...», «... онъ наклонился къ ручью, напился изъ него свѣжей, холодной воды, потомъ сорвалъ цвѣтокъ, затѣмъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и сталъ осматриваться ...» [Там же, с. 11]. Писатель рисует дружелюбное пространство, еще не тронутое человеком. Внешний хронотоп ассоциируется с раем на земле.

Календарное время внешнего хронотопа выстраивается в повествовании на уровне эскизных описаний: «... дни, недѣли, мѣсяцы проходили въ тѣхъ же самыхъ занятяхъ, работахъ, а минуты отдыха — въ томъ же бездѣйствіи ...» [Там же, с. 37], и только однажды указывается точная дата — 1 января 1706 года, когда Селькирк решил отпраздновать новый год. В заключении к роману автор перечисляет точные факты и даты, чтобы доказать достоверность изложенных событий в сочинении: «... памятникъ Селькирк въ Ларго сооруженъ въ 1885 году однимъ изъ его потомковъ, Давидомъ Джиллансомъ ...» [Там же, с. 118].

Представим модель заданного в романе А. Е. Разина хронотопа (рис. 2). Время в пределах внешнего хронотопа имеет цикличное оформление, а на границах события островного пребывания оно перестраивается в линейное с отражением прошлого, настоящего и будущего.

Рис. 2. Хронотоп в романе А. Е. Разина «Настоящий Робинзон»

Определим, какие виды образов времени и пространства запечатлены в данном тексте. Обращает на себя внимание обилие сензитивных образов, возникающих в результате усиленного восприятия героем внешних факторов пространства. Например, находим звуковые образы: «... больше ничего ему не видно, но слышны страшные крики, ревъ и нестройные завыванье ...», «... море было тихо, мрачно и гладко, будто замерло ...», «... такой зловѣщей тишины ...», «... ему страшно становилось своего собственного

голоса, который казался ему необыкновенно громкимъ ...», «... не слышно ни малѣйшаго шороха ...», «... вдругъ слышитъ онъ, что въ густыхъ вѣтвяхъ что-то надъ нимъ зашевелилось ...» [Там же, с. 19—34].

Характер звуковых образов иллюстрирует взаимоотношения между человеком и островом. Селькирк создает противоестественный этому пространству шум; его голос, звуки его деятельности (охота, оружейные выстрелы, строительство дома, обустройство сада) вторглись в тишину и спокойствие райского места, нарушив привычное течение жизни острова. Поэтому остров не принимает человека в свое лоно. Селькирк не смог одновременно и сохранить человеческое обличие, и найти гармонию в островной жизни. Остров отторгнул гостя, ему пришлось вернуться домой.

Хронотоп сочинения Л. Н. Толстого можно охарактеризовать как событийный топос. Каждое событие раскрывает перед читателем хронотоп рассказа. События описаны минимально, как скоротечные: «... они съѣли на корабль и поѣхали ...», «... шесть дней была эта буря ...», «... корабль ударился объ камень ...», «... все потонули, только одного Робинзона волна выбросила на берег ...»; и в островной части рассказа — «... на другой день Робинзонъ сталъ собираться на охоту ...», «... началась гроза ...», «... дерево зажгла молнія и оно горѣло ...», «... онъ развелъ у себя огонь ...», «... потом пошелъ на дворъ копать яму для печки ...», «... выкопалъ большой кусокъ золота ... и отбросилъ его въ сторону ...» [Толстой, 1874, с. 7—27].

Выделим события, которые формируют как внешний, так и внутренний хронотопы повествования. Вычленение событийных топосов позволит нам построить модель общего художественного хронотопа в виде схемы (рис. 3).

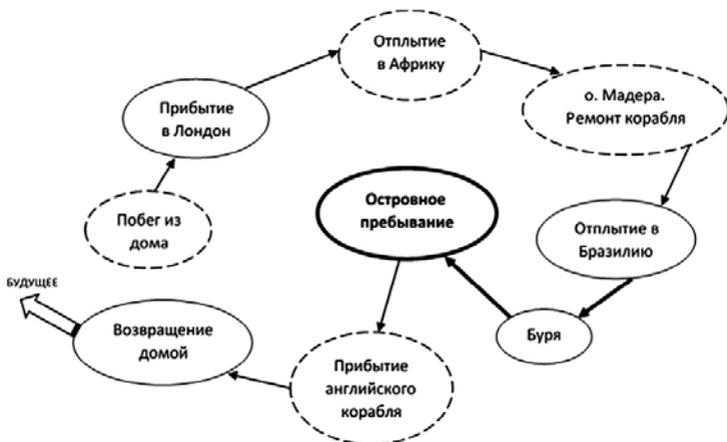

Рис. 3. Хронотоп в рассказе Л. Н. Толстого «Робинзон»

Модель хронотопа отражает фабульную и сюжетную структуру произведения. Каждое событие по своей композиции имеет границы, характеристика которых показывает степень свободы их преодоления героем (рис. 3. см. на схеме: пунктир — свободные границы, сплошная линия — с препятствиями). Так, Робинзон с легкостью преодолевает границы первого значимого события — побега из дома; авторские представления о необходимости создания ситуации выживания автоматически задают беспрепятственное преодоление этих границ. На подходе к «воротам» острова герой подвергается испытанию: капитан корабля предлагает деньги Робинзону, чтобы тот смог вернуться домой. Всеведущий автор направляет героя и при этом проверяет его на пригодность для жизни на острове, трудности которой, по его разумению, должны привести к самосовершенствованию Робинзона. Основное событие, в отличие от второстепенных (обрамляющих фабулу рассказа), характеризуется протяженностью во времени: Робинзон находится на острове более 8 лет. Здесь мы наблюдаем постоянные препятствия со стороны природной стихии (гроза, дожди, землетрясение, извержение вулкана); внутрисобытийные эпизоды основного события рассказа (например, встреча с дикарями, знакомство с Пятницей и прочее) иллюстрируют процесс приобщения героя к внешнему хронотопу, чему способствует преодоление героем возникающих «барьеров» (например, Робинзон спасает Пятницу от дикарей). Возвращение Робинзона домой происходит быстро и без препятствий. Жизненный цикл героя остается открытым, относительная незавершенность финала (неизвестно, как сложилась жизнь Робинзона в одиночестве вне острова, временной вектор устремляется в будущее) подтверждает самоценность внутреннего и внешнего хронотопов островной жизни.

Итак, модель хронотопа демонстрирует, что события рассказа следуют одно за другим без авторских отступлений и включения второстепенных событий; это говорит о диахроническом изображении времени, оно линейно раскрывает временные отношения «прошлое — настоящее — будущее». Пространство в рассказе всегда изображено относительно точки зрения повествователя. Оно сужается до размеров острова или корабля; расширяется до пределов земного шара, всегда географически и топонимически достоверно. Перед побегом из дома для Робинзона существует только далекое пространство, которое связано с неизведанными землями, с путешествиями, оно ему незнакомо и мыслится им как лучшее. Чаяния его напрасны, в итоге «настоящий Робинзон» оказывается в тяжелой ситуации выживания.

5. Заключение

На постижение образа Робинзона в русской культуре 60-х годов XIX века оказали влияние сочинения-переделки швейцарских (Й. Д. Висс,

Ж. Масе и П.-Ж. Этцель), немецких (И. Г. Кампе) и французских (Э.-А.-Д. Фетри) авторов. Определяющим вектором в интерпретации русского Робинзона стал образ пирата Александра Селькирка, художественно переосмысленного в романе Д. Дефо.

Переводов приключенческого романа о Робинзоне к 60-м годам XIX столетия в России было достаточно (Я. Трусов, П. П. Кончаловский, П. А. Корсаков, С. Н. Глинка, отрывки романа в журналах (например, «Иппокрена»), сокращения в журнале «Детское чтение для сердца и разума» Н. И. Новикова). А. Е. Разин и Л. Н. Толстой создают самостоятельные сюжеты, в которых участвует Александр Селькирк и его образное воплощение — Робинзон. А. Е. Разин в романе «Настоящий Робинзон» усваивает установки французской версии прообраза Робинзона у Фетри. Автор рассказа «Робинзон» следует толкованию образа Робинзона, заданному Руссо.

Национальная принадлежность авторов накладывает отпечаток на компонентную и образную структуру хронотопа. «Русский Робинзон» в варианте А. Разина погружен в себя, наблюдает за движением собственной мысли. Внешний хронотоп формирует его внутренний духовный мир. Однако «движения души» Робинзона А. Разина не всегда имеют позитивные последствия. Герой у А. Е. Разина под воздействием внешнего хронотопа потерял человеческий облик, остров разрушил целостность сознания Робинзона и гармонию его внутреннего мира.

Л. Н. Толстой привнес в свой текст элементы, предполагающие развитие идей человеческой свободы, опрощения (отказа от материальных ценностей) и обретения Царствия Божия на земле. Основное внимание русский писатель уделил той части оригинального сочинения, в которой описываются события островного пребывания героя, повествование о подробностях жизни Робинзона Крузо среди людей и в цивилизации опущено. Причиной послужило стремление писателя сконцентрировать проблематику рассказа на внутреннем хронотопе.

Робинзон возвратился с острова другим человеком. Остров преобразовал суть героя. В интерпретации Л. Н. Толстого Робинзон превратился в существо не от мира сего; он не нашел своего места среди людей, сделался отшельником.

Изучение хронотопа позволяет установить разницу в интерпретации образа Робинзона двумя русскими прозаиками. Робинзон А. Е. Разина — «естественный человек», оказавшийся вне социума, в продолжение островной жизни утрачивает свою «естественность». Робинзон Л. Н. Толстого, оказавшись в одиночестве, вне общества, обретает «естественность» в значении примирения с совестью, с природой, из которой устранился культурный человек.

Итак, постижение хронотопа может рассматриваться как один из механизмов рецепции инокультурного текста русскоязычной средой. В процессе рецепции европейского феномена в русской культуре происходит смещение акцента — с общего на частное, с внешнего на внутреннее. Русскоязычные авторы переходят от изображения целостной картины мира к созерцанию частного, внутреннего.

Источники

1. *Разин А. Е.* Настоящий Робинзон, Приключения Александра Селькирка на необитаемом острове / А. Е. Разин ; заимствовано с французского А. Е. Разиним. — 5-е изд. — Москва ; С.-Петербург : т-во М. О. Вольф, 1913. — 118 с.
2. *Толстой Л. Н.* Робинзон / Л. Н. Толстой // Из Ясной поляны (журнал Л. Н. Толстого). Рассказы для крестьянских ребят. — Одесса : Тип. Ульриха и Шульце, 1874. — Книга 3. — 114 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев М. П.* «Робинзон Крузо» в русских переводах / М. П. Алексеева // Международные связи русской литературы. Сборник статей под ред. академика М. П. Алексеева. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1963. — С. 86—100.
2. *Аминева В. Р.* Топос Казани в русскоязычной поэзии конца XX — начала XXI веков : особенности функционирования и поэтика / В. Р. Аминева // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 177—192. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-177-192.
3. *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Д. Бахманн-Медик. — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — 504 с. — ISBN 978-5-4448-0683-8.
4. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с.
5. *Брюханова Ю. М.* Хронотоп почты в «новой драме» 1990-х гг. / Ю. М. Брюханова, Н. Н. Подрезова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2020. — № 67. — С. 204—217. — DOI: 10.17223/19986645/67/11.
6. *Дергачева И. В.* Эсхатологический хронотоп Федора Достоевского / И. В. Дергачева // Quaestio Rossica. — 2019. — Т. 7. — № 4. — С. 1143—1159. — DOI: 10.15826/qr.2019.4.429.
7. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Избранные работы в трех томах [Электронный ресурс] / Д. С. Лихачев. — Ленинград : Художественная литература. Ленинградское отделение, 1987. — Т. 1. — Режим доступа : <http://drevne-ruslit.niv.ru/drevne-rus-lit/lihachev-poetika/hudozhestvennoe-vremya.htm> (дата обращения 02.02.2021).
8. *Мартыненко И. В.* «Надо бы прочесть оригинал ...» : Переделки и обработки романа Д. Дефо «Робинзон Крузо» (на материалах мемориальной библиотеки музея-усадьбы Ясная Поляна) / И. В. Мартыненко // Библиофилы России. — Москва : Любимая Россия, 2017. — Том XIII. — С. 432—454.
9. *Матонин В. Н.* Особенности хронотопа старообрядческих текстов о Соловецком восстании / В. Н. Матонин, Н. Н. Бедина // Вестник славянских культур. — 2017. — Т. 43. — № 1. — С. 134—141.

10. Савельева В. В. Художественный текст и художественный мир : соотносительность и организация : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / В. В. Савельева. — Алматы : Фонд «XXI век», 2002. — 48 с.

11. Сатанар М. Т. Экспликация некоторых кодов мифологической системы якутского эпоса олонхо (к постановке вопроса о фольклорном времени и пространстве) / М. Т. Сатанар // Научный диалог. — 2020. — № 6. — С. 302—319. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-302-319.

12. Стил Р. История удивительных приключений Александра Селькирка, потерпевшего кораблекрушение моряка / Р. Стил // В книге : Прутцков Г. В. Введение в мировую журналистику. От Античности до конца XVIII века / под ред. Я. Н. Засурского. — Москва : Аспект Пресс, 2010. — С. 377—381. — ISBN 978-5-7567-0578-2.

13. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст : семантика и структура / В. Н. Топоров. — Москва : Изд-во «Наука», 1983. — С. 227—284.

14. Тюпа В. И. Аналитика художественного (Введение в литературоведческий анализ) / В. И. Тюпа. — Москва : Издательство «Лабиринт», РГГУ, 2001. — С. 94—97. — ISBN 5-87604-116.

15. Урнов Д. М. Дефо / Д. М. Урнов. — 2-е изд. — Москва : Мол. гвардия, 1990. — 253 с.

16. Фуко М. Слова и вещи : Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — Москва : Прогресс, 1977. — 488 с.

17. Jereza R. «They are just a danger» : Chronotopic worlds in digital narratives of the far-right / R. Jereza, S. Perrino // Journal of Language and Politics. — Sep. 2020. — Volume 19, Issue 5. — Pp. 809—830. — DOI: 10.1075/jlp.19073.jer.

18. Taylor-Leech K. Timorese talking back : The semiotic construction of chronotopes in the Timor Sea protests / K. Taylor-Leech // Linguistic Landscape. — Mar. 2020. — Volume 6, Issue 1. — Pp. 29—51. — DOI: 10.1075/ll.00016.tay.

19. Torn A. Chronotopes of madness and recovery : A challenge to narrative linearity / A. Torn // Narrative Inquiry. — Jan. 2011. — Volume 21, Issue 1. — Pp. 130—150. — DOI: 10.1075/ni.21.1.07tor.

MATERIAL RESOURCES

Razin, A. E. (1913). *The real Robinson, The Adventures of Alexander Selkirk on a desert island*. Moscow; St. Petersburg: t-vo M. O. Wolf. 118 p. (In Russ).

Tolstoy, L. N. (1874). Robinson. *From Yasnaya Polyana (journal of L. N. Tolstoy). Stories for peasant children*, 3. Odessa: Type. Ulrich and Schulze. 114 p. (In Russ).

REFERENCES

Alekseeva, M. P. (1963). “Robinson Crusoe” in Russian translations. In: *International relations of Russian literature. Collection of the status under the cord. academician M. P. Alekseev*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 86—100. (In Russ).

Amineva, V. R. (2020). Topos of Kazan in Russian Poetry of the Late XX — Early XXI Centuries: Features of Functioning and Poetics. *Nauchnyi dialog*, 11: 177—192. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-177-192. (In Russ).

Bachmann-Medik, D. (2017). *Cultural turns. New guidelines in the sciences of culture*. Moscow: New Literary Review. 504 p. ISBN 978-5-4448-0683-8. (In Russ).

- Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years*. Moscow: Fiction. 504 p. (In Russ).
- Bryukhanova, Yu. M., Podrezova, N. N. (2020). Chronotope of mail in the “new drama” of the 1990 s. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 67: 204—217. DOI: 10.17223/19986645/67/11. (In Russ).
- Dergacheva, I. V. (2019). Eschatological chronotope of Fyodor Dostoevsky. *Quaestio Rossica*, 7 (4): 1143—1159. DOI: 10.15826/qr. 2019. 4. 429. (In Russ).
- Foucault, M. (1977). *Words and things: Archeology of the Humanities*. Moscow: Progress. 488 p. (In Russ).
- Jereza, R., Perrino, S. (2020). «They are just a danger»: Chronotopic worlds in digital narratives of the far-right. *Journal of Language and Politics*, 19 (5): 809—830. DOI: 10.1075/jlp.19073.jer.
- Likhachev, D. S. (1987). *Poetics of Ancient Russian literature. Selected works in three volumes., 1*. Leningrad: Fiction. Leningrad Branch. Available at: <http://drevnerus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/lihachev-poetika/hudozhestvennoe-vremya.htm> (accessed 02.02.2021). (In Russ).
- Martynenko, I. V. (2017). “It would be necessary to read the original ...”: Alterations and treatments of the novel by D. Defoe “Robinson Crusoe” (of the memorial library of the Yasnaya Polyana museum-estate). *Bibliophiles of Russia, XIII*. Moscow: My favorite Russia. 432—454. (In Russ).
- Matonin, V. N., Bedina, N. N. (2017). Features of the chronotope of Old Believer’s texts about the Solovetsky Uprising. *Bulletin of Slavic Cultures*, 43 (1): 134—141. (In Russ).
- Satanar, M. T. (2020). Explication of Some Codes of the Yakut Epos Olonkho Mythological System (Folklore Time and Space). *Nauchnyi dialog*, 6: 302—319. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-302-319. (In Russ).
- Saveleva, V. V. (2002). *Artistic text and the artistic world: correlation and organization*. Author’s abstract of Doct. Diss. Almaty: Fund “XXI century”. 48 p. (In Russ).
- Steele, R. (2010). The story of the amazing adventures of Alexander Selkirk, the shipwrecked sailor. In: *Prutskov G. V. Introduction to world journalism. From Antiquity to the end of the XVIII century: Educational and methodological kit (textbook, anthology)*. Moscow: Aspect Press. 377—381. ISBN 978-5-7567-0578-2. (In Russ).
- Taylor-Leech, K. (Mar 2020). Timorese talking back: The semiotic construction of chronotopes in the Timor Sea protests. *Linguistic Landscape*, 6 (1): 29—51. DOI: 10.1075/ll.00016.tay.
- Toporov, V. N. (1983). *Space and text. Text: semantics and structure*. Moscow: The Science. 227—284. (In Russ).
- Torn, A. (Jan 2011). Chronotopes of madness and recovery: A challenge to narrative linearity. *Narrative Inquiry*, 21 (1): 130—150. DOI: 10.1075/ni.21.1.07tor.
- Tyupa, V. I. (2001). *Art analysis (An introduction to literary analysis)*. Moscow: Publishing house “Labyrinth”, RSUH. 94—97. ISBN 5-87604-116. (In Russ).
- Urnov, D. M. (1990). *Defo*. Moscow: Mol. Gvardiya. 253 p. (In Russ).